

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ОРУЖИЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА КРИМИНОГЕННУЮ ОБСТАНОВКУ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В 1945–1953 ГОДАХ

А.Г. Пашкин

Аннотация. На основании анализа материалов правоохранительных и следственных органов Куйбышевской и Ульяновской областей автор делает вывод о составе незаконного оборота оружия в послевоенное время. В 1945–1947 гг. в документах о незаконном владении оружием доминировали лица среднего возраста, затем — молодежь в возрасте от 18 до 25 лет. Удельный вес преступного деяния в 1945–1953 гг. составил 0,64% от всего количества осужденных за совершение уголовных преступлений, что позволило органам прокуратуры считать его малозначимым. Несмотря на несколько тысяч единиц оружия, изъятого в 1945–1953 гг. у населения Среднего Поволжья, оно не являлось боевым, что подтверждается невысоким числом осужденных. Кроме того, двукратное снижение лиц, представивших перед судом по ст. 182 УК в 1948 г. и далее свидетельствует о том, что почти всё привезенное фронтовиками боевое оружие было изъято в течение первых двух лет после демобилизации основной части призванных на фронт. Состав уголовной преступности, в частности преступлений против жизни, здоровья и имущества граждан, позволяет утверждать о мизерной степени влияния незаконного оборота оружия на криминогенную обстановку внутри региона.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, уголовная преступность, огнестрельное оружие, милиция.

Для цитирования: Пашкин А.Г. Незаконный оборот оружия и его влияние на криминогенную обстановку в Среднем Поволжье в 1945–1953 годах // Преподаватель XXI век. 2022. № 1. Часть 2. С. 254–268. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-1-254-268

254

ILLEGAL ARMS TRAFFICKING AND ITS IMPACT ON THE CRIMINAL SITUATION IN THE MIDDLE VOLGA REGION IN 1945–1953

A.G. Pashkin

Abstract. Based on the analysis of materials of law enforcement and judicial and investigative bodies of the Kuibyshev and Ulyanovsk regions, the author of the article draws a conclusion about the structure of illegal arms trafficking in the post-war period. In 1945–1947 in the records of illegal possession of weapons were dominated by middle-aged persons, then - young people aged 18 to 25 years. The rate of criminal acts in 1945–1953 was 0.64% of the total number of people convicted of criminal offenses, which allowed the prosecuting authorities to consider it of little significance.

© Пашкин А.Г., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Despite several thousands of weapons seized in 1945–1953 from the population of the Middle Volga region, they were not combat weapons, which explains the low number of convictions. In addition, the twofold decrease in the number of persons brought to trial under Article 182 of the Criminal Code in 1948 and afterwards indicates that almost all the weapons brought in by the front-line soldiers were seized during the first two years after the demobilization of the main part of those drafted to the frontline. The body of the criminal offense, in particular crimes against the life, health, and property of citizens, indicates a negligible impact of illegal arms trafficking on the crime rate within the region.

Keywords: *Middle Volga region, criminal offense, firearms, police.*

Cite as: Pashkin A.G. Illegal Arms Trafficking and Its Impact on the Criminal Situation in the Middle Volga Region in 1945–1953. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2022, No. 1, part 2, pp. 254–268. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-1-254-268

Введение

Проблема увеличения количества боевого оружия, незаконно находившегося на руках у населения в послевоенный период, до настоящего времени вызывает интерес ученых. Скопление оружия как косвенной причины роста бандитизма отмечается в трудах исследователей первого десятилетия XXI в. [1, с. 22; 2, с. 16, 18]. Современные исследователи склонны относить данный фактор, в первую очередь, к районам бывших боевых действий [3, с. 31; 4, с. 66]. Тем не менее общественное мнение, сформированное как устной памятью, так и художественными произведениями, относит ухудшение криминогенной обстановки периода восстановления народного хозяйства к значительным объемам оружия, скопившегося на руках у населения. Актуальность исследованию придают материалы, позволившие изучить проблему в границах тыловых областей (Куйбышевской и Ульяновской) о вернувшихся с фронта людях (численностью более 350 тысяч человек), а также широкие возможности применения полученных результатов в продвижении исторического знания.

В рамках Среднего Поволжья проблема девиантного поведения граждан частично исследована О.Р. Хасяновым.

Сельское население Куйбышевской области почти не было замешано в таких преступлениях, как разбойное нападение и ограбления. Большинство убийств, совершенных в сельской местности в послевоенное время, было связано либо с сокрытием других преступлений, либо на почве ревности и личной неприязни. При этом орудием убийства выступали подручные предметы — топоры, ножи, сельскохозяйственные орудия [5, с. 248, 251–252]. В то же время тема незаконного оборота оружия в Среднем Поволжье исследователями до настоящего момента не затронута.

Основную группу исторических источников исследования составили ежегодные отчеты прокурора Куйбышевской области (ЦГАСО, Ф. Р-2972), отчеты формы № 10 Ульяновского областного управления юстиции (ГАУО, Ф. Р-3027) о количестве осужденных, материалы судебных следственных и правоохранительных органов из фондов Куйбышевского (СО-ГАСПИ, Ф. 656) и Ульяновского (ГАНИУО, Ф. 8) областных комитетов ВКП(б).

Исследование строилось на основе анализа трёх критериев: количестве изъятого у населения оружия, численности лиц, осужденных по ст. 182 УК РСФСР, а также динамики численности осужденных по категориям преступлений, при

совершении которых могло быть задействовано оружие.

Борьба органов милиции с незаконным владением оружием

В исследуемый период органы милиции находились на периферии противодействия незаконному обороту оружия, обладая всеми необходимыми полномочиями и ресурсами для этого. Проблему увеличения количества оружия, незаконно находящегося на руках у населения, впервые Главное управление милиции НКВД СССР отметило в сентябре 1945 г. [6, оп. 1, д. 13, л. 108]. К октябрю Управление констатировало необходимость проведения специальных мероприятий как агентурных, так и заградительных, в виде постов, кордонов и подворных проверок, направленных на изъятие незаконно хранившегося оружия. Причиной этого стало увеличение зарегистрированных на территории страны убийств и вооруженных ограблений [там же, оп. 5, д. 214, л. 8].

На территории Куйбышевской области за 9 месяцев 1945 г. у населения было изъято 283 экземпляра холодного и огнестрельного оружия, в том числе 3 пулемета, 1 автомат, 28 винтовок, 136 пистолетов и револьверов, 14 гранат, 112 единиц холодного оружия и 1181 патрон [7, оп. 24, д. 26, л. 160]. В 1946 г. милицией Куйбышевской области у населения было изъято 1027 единиц боевого оружия. В конце 1946 г. Куйбышевское областное управление МВД осуществило ряд мероприятий по изъятию уголовного элемента, в особенности в городах. Длившаяся в течение декабря месяца операция проводилась не только милицией, но и прикомандированными к оперативным группам частями внутренних войск МВД Приволжского военного округа, а также активом партии и комсомола. В результате у 507 задержанных уголовников было

обнаружено 67 единиц огнестрельного оружия [8, с. 130–131].

Органы милиции Ульяновской области в 1945 г. забрали у населения 4 автомата-пулемета, 40 винтовок, 142 пистолета и револьвера, а также 233 единицы холодного и иного огнестрельного оружия. В 1946 г. состав оружия, находящегося в незаконном владении, изменился. За первый послевоенный год ульяновская милиция изъяла 2 пистолета-пулемета, 48 винтовок, 211 пистолетов и револьверов, 180 единиц холодного и иного огнестрельного оружия [9, оп. 3, д. 344, л. 50 об., 51]. Таким образом, увеличилась доля малогабаритного стрелкового оружия, что свидетельствует о возможном поступлении его из бывших районов боевых действий. Для сравнения: в 1944 г. у преступного элемента органы милиции изъяли 1497 единиц оружия, большинство из которого относилось к боевому [там же, оп. 2, д. 207, л. 12].

В течение 1947 г. на территории страны большинство оружия, принесенного фронтовиками, было добровольно отдано государству [10, с. 90]. Сообщения о количестве изъятого боевого оружия и его применении в преступных деяниях исчезают со страниц докладов органов милиции. Имеются сообщения о частых случаях передачи охотничьего оружия третьим лицам, которые применяли его для совершения преступных деяний. Однако в 1947–1948 гг. каких-либо системных действий по упорядочению хранения и владения охотничьим оружием, а также проверок работы разрешительной системы осуществлено не было [9, оп. 7, д. 273, л. 10].

В 1949 г. у преступного элемента и населения Куйбышевской области было изъято 690 экземпляров холодного и огнестрельного оружия, в том числе 502 экземпляра на территории сельских районов. На фоне таких показателей достаточно удивительным выглядит

характеристика криминогенной ситуации на территории Куйбышевской области. Областное управление милиции не выделило незаконное владение оружием как распространенное либо тяжкое преступление [7, оп. 64, д. 29, л. 33, 34, 211].

В Ульяновской области в первом полугодии 1949 г. при проведении проверочных мероприятий было задержано свыше двух тысяч человек, однако оружия при нарушителях обнаружено не было. Особым успехом органов милиции г. Ульяновска явилась ликвидация банды грабителей в составе 4 человек, у которых был изъят один револьвер [9, оп. 7, д. 265, л. 6–8]. По всей видимости, проверочные мероприятия проводились формально, так как в сентябре 1949 г. по г. Ульяновску силами оперативного состава и участковых уполномоченных была проверена правильность ведения домовых книг. До 25% проживающих в городе были в домовые книги не внесены, имели неверно оформленные документы на проживание либо вовсе таковыми не располагали. В ходе подворовых проверок милиционеры изъяли 4 пистолета, а также 21 единицу огнестрельного и холодного оружия [там же, оп. 7, д. 505, л. 16].

Нарушения, выявленные при проведении мероприятий в Ульяновске, заставили областное управление милиции провести подворовые проверочные действия на территории всей области. За период с октября 1949 г. по март 1950 г. проверке подверглись более 250 тысяч человек. Обследование работы разрешительной системы выявило частые случаи предоставления оружия тем лицам, которые не имели права на его ношение. Проверку хранения и регистрации охотничьего оружия в сельской местности органы милиции провели выборочно, тем не менее в ходе реализации всех мероприятий у населения и у

задержанных было изъято более 1700 единиц огнестрельного и холодного оружия [там же, оп. 8, д. 472, л. 18].

Оружие изымалось у граждан и при задержании, но данное обстоятельство было, скорее, редким исключением. Так, 23 мая 1950 г. за хулиганские действия, выразившееся в избиении граждан в саду им. Свердлова в г. Ульяновске, был задержан гражданин Р.¹ При задержании у него изъяли револьвер. В ходе следственных действий Р. рассказал, что оружие при себе носил на случай самообороны [там же, оп. 8, д. 216, л. 15].

В дальнейшем при анализе докладов и справок органов милиции, оперативных совещаний областных прокуратур и областного управления Наркомата юстиции проблемы незаконного владения оружием не обозначались. Впоследствии, вплоть до лета 1953 г., проблема нахождения в руках у населения боевого огнестрельного и холодного оружия вновь не обсуждалась, а изъятия носили фрагментарный характер.

Учитывая вышеизложенное, проблема незаконного оборота оружия с позиции органов милиции являлась существенной проблемой в 1945–1946 гг. Проведя ряд массовых кампаний по изъятию оружия в ходе проверочных мероприятий, милиция оставила даже проверки разрешительной системы. Весьма вероятно, что, несмотря на увеличивающееся количество изъятого оружия, оно не являлось боевым либо не находило себе применения при совершении преступных деяний.

Динамика количества осужденных за незаконный оборот боевого оружия

УК РСФСР от 1926 г. предусматривал уголовную ответственность за незаконное хранение и изготовление боевого

¹ Здесь и далее из этических соображений фамилии, имена и отчества лиц, уличенных в совершении преступления либо потерпевших, сокращены до первой буквы фамилии.

оружия, в частности, ч. 1 и ч. 4 ст. 182.² Эти части отдельно выделены в структуре ежеквартальных отчетов юстиции по форме № 10. Кроме того, вручную ст. 182 УК выделена в ежегодных отчетах областного прокурора Куйбышевской области за 1945–1947 гг.

В масштабах страны увеличение количества осужденных по ст. 182 УК стало регистрироваться с 1945 г. Так, в 1940 г. было осуждено 7481 человек, в 1943 г. — 2722, в 1945 г. — 4788. Пиковое количество применения репрессии по ст. 182 УК было отмечено в 1946 г. — 16091 и в 1947 г. — 16698, после чего стало снижаться, достигнув к 1949 г. показателей 1945 г., а затем постепенно увеличиваться, составив в 1953 г. 5877 человек. Даже в максимальных значениях 1946–1947 гг. удельный вес осужденных по данной статье не превышал 0,69%, в то время как осужденных за разбой и грабеж — более 1% [11, оп. 89, д. 4408, л. 15, 17].

На территории Среднего Поволжья статистика осужденных за незаконное хранение оружия сохраняла похожую динамику. В Куйбышевской области по ст. 182 УК РСФСР в 1945 г. было осуждено 33 человека, в 1946 г. — 73 человека, в 1947 г. — 59 человек [12, оп. 5, д. 3, л. 1; д. 7, л. 1; д. 12, л. 1]. Куйбышевская областная прокуратура незаконное владение оружием отнесла к категории мало-значительных преступлений. Во втором полугодии 1945 г. количество направленных в суд дел увеличилось на 40%, в реальном выражении это представляло 21 уголовное дело по обвинению 28 человек. В это время удельный вес данного преступления составлял 0,7%, в первом полугодии 1946 г. — 0,9% [7, оп. 25, д. 30,

л. 156]. На территории Ульяновской области по ч. 1 и ч. 4 ст. 182 УК в 1945 г. было осуждено 67 человек. Вплоть до 1947 г. количество осужденных увеличивалось, достигнув в 1947 г. численности 72 человек, затем снизилось до 18 человек в 1951 г. и увеличилось в 1952–1953 гг. до 24 и 29 человек соответственно. Всего за совершение преступлений, квалифицированных по ч. 1 и ч. 4 ст. 182 УК за период с января 1945 г. по декабрь 1953 г. было осуждено 349 человек. Для сравнения: за бандитизм в это же время репрессии подверглись 565 человек, за совершение убийства — 260 человек, за совершение хулиганств — 3861 человек. Удельный вес осужденных за незаконное изготовление, хранение и ношение боевого огнестрельного и холодного оружия на территории области составил 0,64%, что в целом достаточно близко к среднему значению по стране [13, оп. 1, д. 1, л. 12–24 об.; д. 5, л. 67–70 об., 155–161 об.; д. 12, л. 1, 1 об., 6, 6 об., 8, 8 об., 10, 10 об.; д. 17, л. 2, 2 об., 6, 6 об., 8, 8 об., 12, 12 об.; д. 22, л. 2, 2 об., 11, 11 об., 13, 13 об., 15, 15 об., 17, 17 об.; д. 27, л. 2, 2 об., 4, 4 об., 6, 6 об., 8, 8 об.].

Социальный состав осужденных по ч. 1 и ч. 4 ст. 182 УК РСФСР на территории Ульяновской области позволяет утверждать, что в большинстве случаев владение оружием было характерно для рабочих. Из 349 осужденных 195 принадлежали к социальной категории рабочих и их семей, 76 — к категории колхозников, 50 — к служащим, 3 — к крестьянам-единоличникам, 25 — к нетрудовому элементу. Возрастной состав осужденных также позволяет утверждать, что преступление было характерным для молодежи.

² Ч. 1 ст. 182 УК РСФСР определяла уголовную ответственность за изготовление, хранение, приобретение и продажу взрывчатых веществ, снарядов, огнестрельного оружия; ч. 4 — за аналогичные действия с холодным оружием. Необходимо отметить, что ст. 182 не касалась охотничьего гладкоствольного и холодного оружия. Незаконное владение таким оружием являлось административным нарушением, наказуемым штрафом либо изъятием оружия.

Лиц до 18-летнего возраста было осуждено 54 человека, от 18 до 25 — 151 человек, от 25 до 50 лет — 134, старше 50 лет — 11. Если в 1945 г. незаконное хранение огнестрельного оружия являлось уделом лиц среднего возраста, то к концу 1940-х гг. ситуация изменилась. С 1949 г. количество осужденных возрастом до 25 лет стало преобладать над количеством осужденных более старших возрастов. Из 349 осужденных 148 человек совершили преступление в городах и поселках городского типа, 201 — в сельской местности. Учитывая, что численность сельского населения Ульяновской области в несколько раз превосходила городское население, то незаконное хранение и ношение оружия явилось преступлением, более характерным для горожан. Незаконное владение оружием нельзя считать женским преступлением, так как по ст. 182 УК за период с 1945 по 1953 г. было осуждено 11 женщин.

На основании изложенного выше возможно сформировать социальный портрет лица, незаконно располагающего огнестрельным либо холодным оружием. В 57% случаев таким лицом являлся молодой (в возрасте до 25 лет) рабочий либо член семьи рабочего.

Необходимо оговорить, что количество брака в работе следственных органов составило менее 5% за весь период исследования и в большинстве своём касалось необоснованного привлечения к уголовной ответственности. Так, в июне 1947 г. прокуратурой Ново-Мальклинского района к уголовной ответственности был привлечен и впоследствии осужден по ч. 1 ст. 182 УК к 2 годам лишения свободы за хранение револьвера гражданин А., 1910 г. р. Судебная коллегия Ульяновского областного суда приговор отменила, так как револьвер системы Нагана был непригоден для стрельбы. Кроме того,

оружие А. сдал в органы МВД добровольно, и только после этого в отношении него было возбуждено уголовное дело [9, оп. 6, д. 277, л. 30].

В ходе анализа динамики осужденных за незаконный оборот оружия необходимо отметить две особенности. Во-первых, отсутствие с 1948 г. в ежегодных отчетах прокурора Куйбышевской области упоминания числа представших перед судом по ст. 182 УК свидетельствует о снижении остроты и важности данного преступления для нормализации криминогенной обстановки. В 1948 г. число осужденных по ст. 182 УК в Ульяновской области сократилось вдвое, что подтверждает выводы о значительном уменьшении распространения такого преступления. Во-вторых, незаконное владение оружием нельзя считать распространенным преступным деянием, что подтверждает малый удельный вес: не более 0,9% при максимальном значении числа осужденных.

Динамика криминогенной обстановки в Среднем Поволжье в 1945–1953 гг.

Значительное расхождение между количеством изъятого органами милиции оружия с числом лиц, осужденных по ст. 182 УК, заставляет обратиться к анализу общей криминогенной ситуации на территории Среднего Поволжья. Частично раскрыть проблему незаконного владения оружием позволяет анализ количества лиц, осужденных за совершение преступлений в составе организованных преступных групп, а также за совершенные умышленных убийств, ограблений, разбойных нападений и хулиганств (см. табл.).

Согласно данным таблицы наиболее тяжелая криминогенная обстановка на территории Куйбышевской и Ульяновской областей сложилась в 1945–1947 гг.

Количество лиц, осужденных за участие в бандах, за совершение умышленных убийств, ограблений, разбойных нападений, хулиганств на территории Куйбышевской и Ульяновской областей в 1945–1953 гг.¹

год	Бандитизм		Умышленное убийство		Грабежи и разбои		Хулиганство	
	Куйбышевская обл.	Ульяновская обл.	Куйбышевская обл.	Ульяновская обл.	Куйбышевская обл.	Ульяновская обл.	Куйбышевская обл.	Ульяновская обл.
1945	67	49	54	21	126	54	468	625
1946	71	37	55	33	133	165	701	509
1947	49	50	41	42	129	123	331	299
1948	35	40	36	17	68	4	285	264
1949	1	49	53	23	47	37	235	332
1950	13	60	30	37	43	42	446	330
1951	6	84	73	26	197	28	1212	520
1952	12	84	76	19	262	48	1455	563
1953	61	113	124	42	468	55	2052	654

и в 1952–1953 гг. По итогам первых 12 послевоенных месяцев Куйбышевская областная прокуратура отнесла к категории малозначительных преступлений бандитизм, удельный вес которого составил 0,3% за период с июля 1945 г. по июль 1946 г., и разбойные нападения и грабежи (1,1% во втором полугодии 1945 г. и 0,8% в первом полугодии 1946 г.). За совершение умышленного убийства во втором полугодии 1945 г. перед судом предстало 18 человек, в первом полугодии 1946 г. — 27 человек. Для сравнения: к категории значительных преступлений было отнесено хулиганство. Так, во втором полугодии 1945 г. по ст. 74 УК в суд было направлено 100 дел на 140

человек, в первом полугодии 1946 г. — 304 дела на 468 человек. Необходимо отметить, что в конце 1945 – начале 1946 гг. органы милиции Куйбышевской области провели ряд оперативных мероприятий по профилактике грабежей и разбоев. Ухудшение криминогенной обстановки во втором полугодии 1945 г. Куйбышевская областная прокуратура связывала с возвращением из тюрем преступного элемента, освобожденного по амнистии [7, оп. 25, д. 30, л. 156, 157, 174–176]. На территории Ульяновской области в 1945 г. органами милиции было ликвидировано 11 бандитских групп численностью 35 человек, в 1946 г. — 17 групп численностью 54 человека. В первые месяцы

¹ Подсчитано по: ЦГАСО ф. Р-2972, оп. 5, д. 3, л. 1; д. 7, л. 1; д. 12, л. 1; д. 18, л. 1; д. 27, л. 1; д. 41, л. 1; д. 57, л. 1; д. 74, л. 1; д. 94, л. 1; ГАУО ф. Р-3027, оп. 1, д. 1, л. 12 – 24 об.; д. 5, л. 67–70 об., 155–161 об.; д. 12, л. 1, 1 об., 6, 6 об., 8, 8 об., 10, 10 об.; д. 17, л. 2, 2 об., 6, 6 об., 8, 8 об., 12, 12 об.; д. 22, л. 2, 2 об., 11, 11 об., 13, 13 об., 15, 15 об., 17, 17 об.; д. 27, л. 2, 2 об., 4, 4 об., 6, 6 об., 8, 8 об.

1946 г. милиционеры отчасти смогли снизить количество грабежей и разбоев, получивших особое распространение во втором полугодии 1945 г. В феврале 1946 г., заслушав отчет о результатах работы Управления, НКВД указал на необходимость сосредоточиться на пресечении хищений социалистической собственности. В результате не был учтен фактор повышения грабежей в весенне-летние месяцы, и количество грабежей и разбоев по сравнению с 1945 г. увеличилось почти втрое [9, оп. 5, д. 344, л. 19].

По данным Управления МВД по Куйбышевской области снижение уголовной преступности по региону в первом квартале 1947 г. по сравнению с 4 кварталом 1946 г. составило 5,2%. По г. Куйбышеву и крупнейшему промышленному району Безымянке преступность также снизилась, тем не менее в криминальной обстановке наметилась тенденция повышения криминализации молодежи. Так, 195 преступлений из зарегистрированных 371 было совершено молодежью в возрасте от 16 до 21 года [7, оп. 26, д. 28, л. 138, 177, 178]. В Ульяновской области за 1947 г. в отношении лиц до 16-летнего возраста было возбуждено 210 уголовных дел, по которым проходил 251 человек [9, оп. 4, д. 306, л. 73–74]. Преступления, совершаемые молодежью, отмечались особой жестокостью. Так, 7 декабря 1948 г. в с. Орловка Хворостянского района Куйбышевской области выстрелом из пистолета был ранен председатель сельсовета Б. Выстрел произвел его односельчанин Л., 1930 г. р., с отцом которого у Б. были неприязненные отношения. По словам преступника, пистолет он похитил у потерпевшего аварию в феврале 1944 г. в районе с. Орловка летчика. Однако в ходе оперативных действий точное происхождение пистолета установить не удалось [7, оп. 64, д. 27, л. 5, 6, 8, 9].

После выхода в свет 4 июня 1947 г. Указов Президиума Верховного Совета СССР об охране социалистической, общественной и частной собственности правоохранительные и судебно-следственные органы были переориентированы на борьбу с данными преступлениями. При этом особое внимание было уделено социалистической собственности, что поспособствовало ослаблению борьбы с прочими преступлениями. В сентябре 1947 г. комиссия Министерства юстиции РСФСР указала Ульяновскому облуправлению на участвовавшие случаи неверной квалификации судами дел о бандитизме и разбое [9, оп. 6, д. 277, л. 6–9]. Опасение высказывали и представители милиции. Начальник Ульяновского облуправления НКВД Г.А. Граков на областной партконференции 10 марта 1948 г. предрекал скорое ухудшение криминогенной ситуации при сохранении уклона в сторону борьбы с экономическими преступлениями [там же, оп. 6, д. 1, л. 118–120]. В действительности совершаемые преступления отличались особой дерзостью. 23 июля 1948 г. в Старо-Майнском районе сотрудники районного отдела НКВД задержали группу грабителей в количестве 4 человек. Эта группа, вооруженная столовыми ножами, с начала навигации 1948 г. грабила буфеты пароходов. На счету банды были также неоднократные налеты на квартиры в г. Куйбышеве и г. Мелекесе [там же, оп. 6, д. 265, л. 1, 4].

Прогнозы ульяновской милиции стали сбываться во втором полугодии 1949 г. Так, в первом полугодии 1949 г. убийств с целью ограбления было совершено 2, во втором полугодии — 5, грабежей с применением оружия — 3 и 8 случаев соответственно. Милиция стала регистрировать рост преступности в сельской местности. Так, на селе были совершены 14 из 16 убийств, 13 из 14 грабежей [там же, оп. 8, д. 472, л. 6, 7, 60].

Крайняя загруженность экономическими преступлениями и недостаток кадров в правоохранительных и следственных органах не позволяли проводить крупные оперативные мероприятия. Так, в 1949 г. в Ульяновске продолжительное время орудовала шайка из уголовников. 3 сентября 1949 г. один из членов шайки был задержан милицией за незаконное хранение огнестрельного оружия, но не был привлечен к ответственности. В ночь с 12 на 13 октября 1949 г. главарь банды К. и его сообщники совершили 3 убийства, в том числе милиционера. Только благодаря случайности К. был задержан на месте преступления, позже были арестованы и другие члены преступной группы [там же, оп. 8, д. 472, л. 77–78].

Тем не менее период 1948–1951 гг. был временем относительного спокойствия в динамике криминальной обстановки. Например, в Ульяновской области в 1946 г. органами милиции было возбуждено 7514 уголовных дел на 8633 человека, в 1951 г. — 2545 дел на 2976 человек. Аналогичная ситуация наблюдалась в отношении бандитизма. Так, если в 1946 г. органами милиции было возбуждено 33 уголовных дела на 75 человек, то в 1950 г. — 4 уголовных дела на 11 человек, а в 1951 г. — 2 уголовных дела на 3 человек. Количество умышленных убийств также снизилось. Если в 1947 г. было возбуждено уголовных дел по 63 случаям, то в 1951 г. — по 24. Нормализация криминальной обстановки явилась следствием хорошей оперативной работы органов милиции, произошедшей после ревизии областного управления представителями ГУМ МГБ СССР летом 1949 г. [там же, оп. 9, д. 186, л. 37, 46, 52, 54, 60, 63].

Рост подростковой и молодежной преступности в послевоенное время оставался весьма острой проблемой как для территории Среднего Поволжья, так и для

всей страны в целом. Так, у задержанных за совершение уголовно-наказуемых деяний на территории Ульяновской области за период с февраля 1948 г. по ноябрь 1949 г. 421 безнадзорного ребенка были изъяты 96 финских ножей и самодельных заточек [там же, оп. 7, д. 275, л. 11, 14, 15]. Если в 1949 г. по Ульяновской области из общего числа осужденных молодежь в возрасте до 25 лет составляла 32,7% осужденных, то в 1951 г. — 31,5%. Из 919 осужденных за период с января по сентябрь 1951 г. 228 совершили преступления против личности, 169 — хулиганство [там же, оп. 9, д. 188, л. 9].

В 1950–1951 гг. Куйбышевская облпрокуратура также отмечала увеличивающиеся масштабы криминализации подростков и молодежи. Так, в Чапаевске имелось специальное ремесленное училище № 3, в котором учащиеся массово изготавливали холодное оружие. Учащиеся Ш. и Ж. хранили в тумбочке в общежитии револьвер системы Нагана, который использовали для ограблений учащихся [7, оп. 94, д. 33, л. 163, 164]. В детском доме № 38 г. Сызрани воспитанник Б. из сделанного им в мастерской детдома «поджигателя-самострела» ранил воспитанника того же детского дома [там же, оп. 94, д. 35, л. 126, 128]. По Ульяновской области за 2 полугодие 1952 г. было задержано 399 учащихся общеобразовательных школ, у которых изъяли 37 ножей и два самострела-поджигателя [9, оп. 9, д. 472, л. 12].

На фоне снижения общего количества преступлений стал регистрироваться рост хулиганств. Так, в 1951 г. за совершение хулиганств на территории Ульяновской области было осуждено 520 человек, в то время как в 1948 г. — 264 и в 1943 г. — 308. Хулиганства совершались в основном молодежью в возрасте до 25 лет, причем с особой жестокостью, и в 40% случаев преступник пускал в ход

холодное оружие [там же, оп. 9, д. 190, л. 59]. 16 мая 1951 г. бюро Ульяновского обкома ВКП(б) приняло постановление «О состоянии и мерах борьбы с проявлениями хулиганства и нарушением общественного порядка», которым мобилизовало на борьбу с хулиганством общественные организации, а также органы управления образованием [там же, оп. 9, д. 178, л. 90]. Число представших перед судом за хулиганство в Куйбышевской области в 1951 г. увеличилось по сравнению с предыдущим годом на 384,5% (см. табл.).

Необходимо отметить, что как в хулиганских действиях, так и в бандитских нападениях и грабежах к началу 1950-х гг. фигурировало холодное оружие. Так, в г. Ульяновске рабочий С. 19 лет 24 декабря 1950 г. из хулиганских побуждений нанес удар топором по голове своему коллеге. В общежитии треста «Ульяновскстрой» гражданин С., устроив скандал в нетрезвом виде, нанес гражданину Б. смертельный ножевой удар. 31 декабря 1950 г. в Ульяновском драматическом театре гражданин С., находясь в нетрезвом виде, поднял дебош и нанес несколько ножевых ранений двум гражданам [там же, оп. 9, д. 472, л. 1, 2, 3, 22].

Бандитизм начала 1950-х гг. также значительно помолодел, и средний возраст осужденных составлял от 16 до 25 лет. Нападения приобрели особую жестокость, и в большинстве случаев оружие служило не инструментом запугивания, а применялось с целью убийства. Так, некий К., 1930 г. р., со своими подельниками систематически совершал вооруженные нападения на пассажиров в поездах и на вокзале станции Падовка. 30 июля 1951 г. он с целью ограбления убил преподавателя ремесленного училища С., 2 октября 1951 г. возле станции Падовка К. убил двух граждан, в следующую ночь

напал на девушку и, пытаясь отобрать сумку, ранил её ножом. Банда из четырех человек возрастом от 14 до 20 лет, вооружившись финскими ножами, 2 октября 1951 г. в г. Ставрополе совершила убийство бухгалтера леспромхоза с целью ограбления [7, оп. 94, д. 33, л. 168, 169]. Состоявшая из 8 человек возрастом от 20 до 22 лет банда М., орудовавшая в Куйбышевской области весной 1952 г., также была вооружена самодельными ножами [там же, оп. 116, д. 43, л. 32].

С 1952 г. криминогенная обстановка на территории Среднего Поволжья стала ухудшаться. Годовой прирост числа осужденных за совершение грабежей и разбоев составил 75,2% в Куйбышевской области и 58,3% в Ульяновской (см. табл.). В определенной степени этому способствовала реализация партийно-государственной политики по усилению борьбы в секторе социалистической собственности. В Куйбышевской области отмечался рост убийств на бытовой почве, вооруженных грабежей и разбоев. До 46% расследованных органами милиции дел было прекращено по причине обнаружения преступников [там же, оп. 94, д. 35, л. 220, 239]. Объяснение этому было найдено в соседнем регионе. В сельской местности Ульяновской области в 1951–1952 гг. были выявлены многочисленные случаи затягивания расследования уголовных дел органами милиции в отношении молодежи. Расследования длились по несколько месяцев до того момента, пока преступников не призывали в армию, после чего дела закрывались [9, оп. 10, д. 126, л. 9–10]. Ухудшение криминогенной обстановки отмечалось не только в отчетных документах, но и населением. 12 сентября 1952 г. жители г. Жигулевска в письме, адресованном в Куйбышевский обком ВКП(б), Управление НКГБ и областную прокуратуру, жаловались на

увеличение с июня 1952 г. случаев драк с применением оружия, хулиганств и ограблений, активизацию криминального элемента в вечернее время [7, оп. 94, д. 32, л. 35].

В первые месяцы 1953 г. остановить рост преступности не удалось, а реализованная в апреле месяце амнистия ещё более ухудшила криминализацию населения. В целом по стране по сравнению с 1952 г. количество уголовных дел по убийствам возросло на 30,7%, по разбойным нападениям — на 66,4% [14, с. 144–145].

В связи с Указом Президиума ВС СССР «Об амнистии» на территории г. Куйбышева был снят паспортный режим, что привело к скоплению на территории города преступного гастролирующего элемента. За период с 26 июня по 5 июля 1953 г. в городе было зарегистрировано 11 разбойных нападений. В начале июля 1953 г. каждым отделением милиции г. Куйбышева было установлено оперативное наблюдение за амнистированными, ранее судимыми за грабежи, разбойные нападения, умышленные убийства, изнасилования [7, оп. 108, д. 26, л. 80–82]. Тем не менее принятые меры не смогли оказать влияния на улучшение криминогенной обстановки в городе. Так, если в апреле 1953 г. по Куйбышеву было зарегистрировано 106 уголовных преступлений, то в июле — 267, а в октябре — 314. На основании докладов судебно-следственных и правоохранительных органов 28 октября 1953 г. Куйбышевский обком ВКП(б) принял постановление «О мерах усиления охраны общественного порядка и борьбе с уголовной преступностью в г. Куйбышеве». Особое внимание постановление обращало на противодействие рецидиву преступлений. С апреля по декабрь 1953 г. количество арестованных амнистированных составило 32% (563 человека), при этом за разбойные

нападения, то есть за ограбления с применением оружия и с нанесением вреда здоровью, было арестовано 107 человек [там же, оп. 109, д. 116, л. 4–5].

На территории Ульяновской области после амнистии 1953 г. также продолжал регистрироваться рост преступлений. В отличие от г. Куйбышева, ульяновские милиционеры видели корень зла в криминализации рабочих промышленных предприятий. Так, за период с апреля по сентябрь 1953 г. в г. Ульяновске было зарегистрировано 17 случаев разбойных нападений. Среди молодежи города участились случаи формирования бандитских шаек, действовавших с целью ограблений. При общем снижении количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности с апреля по сентябрь 1953 г., количество убийств в г. Ульяновске по сравнению с тем же периодом 1952 г. возросло на 61,2%. Это особенно заботило областное управление милиции, так как в 1952 г. на почве ограбления было совершено только одно убийство. Число грабежей по области увеличилось на 37,7%, по г. Ульяновску — на 53,2%. Количество хулиганств демонстрировало почти трехкратное увеличение, и удельный вес данного преступления по области достиг 26%. В 83% случаев хулиганство было сопряжено с поножовщиной. Анализ состава привлеченных к уголовной ответственности показал, что 22,5% преступников нигде не работали, 16,9% являлись бродягами, не имевшими определенного места жительства и занятий, 47,1% были рабочими различных предприятий и учреждений. В общем количестве осужденных за данные преступления 28,1% освобождено из мест заключения по амнистии. Большинство хулиганств совершались молодежью в возрасте 19–23 лет, как правило, в состоянии алкогольного опьянения.

Отмечалась крайняя жестокость преступлений и использование оружия. В летние месяцы 1953 г. правоохранные органы Ульяновской области стали регистрировать рецидивы среди амнистированных лиц, уличенных в бандитизме. Так, в июне 1953 г. в Тагайском районе была ликвидирована шайка из 4 бандитов, которые совершили вооруженное нападение на шофера и ограбили несколько человек. Все четверо бандитов были ранее освобождены по амнистии. Преступная деятельность схожих по составу банд была пресечена в Сурском, Карсунском, Инзенском, Ново-Малыклинском районах области [9, оп. 11, д. 200, л. 28, 31, 38–43].

Анализ криминогенной обстановки в Среднем Поволжье в 1945–1953 гг. позволяет выделить три периода. Первый период — 1945–1947 гг. — явился достаточно напряженным, отличавшимся высоким уровнем опасных преступлений против жизни, здоровья и имущества граждан. Проведение ряда мероприятий правоохранных и судебно-следственных органов, направленных на снижение криминализации общества, позволили к 1948 г. частично снизить количество указанных выше преступлений. В то же время отсутствие профилактических мероприятий и переориентация милиции, прокуратуры и суда на борьбу с преступлениями по отношению социалистической собственности пагубно сказались на противодействии росту убийств, разбоев, грабежей, а также на увеличении доли молодежной и подростковой преступности. С 1951 г. стало возрастать количество хулиганств, в большинстве случаев происходивших на почве злоупотребления спиртными напитками. С 1952 г. криминогенная обстановка стала ухудшаться в целом, однако реакции правоохранных и судебно-следственных органов на это

обстоятельство не возникло. Реализация амнистии весной 1953 г. радикально изменила состав лиц, преступивших закон.

Необходимо отметить, что ухудшение криминогенной обстановки было зарегистрировано не только в масштабах Среднего Поволжья и СССР. Рост вооруженной преступности в первые послевоенные месяцы на почве увеличения потребления спиртных напитков был зарегистрирован в странах Скандинавии [15, с. 415, 418]. В США во второй половине 1940-х гг. также было зафиксировано увеличение количества преступлений с использованием оружия против жизни и здоровья граждан, в том числе и из корыстных мотивов. При этом исследователи не установили связь между осложнением криминогенной обстановки и ухудшением материального положения граждан [16, с. 241; 17, с. 317].

Заключение

В результате проведенного исследования удалось установить, что на территории Среднего Поволжья незаконное владение оружием оказывало минимальное воздействие на состояние криминогенной обстановки, и только в первые послевоенные годы. На это указывает частичное совпадение динамики осужденных за незаконный оборот оружия с динамикой числа лиц, подвергнутых репрессии за бандитизм, совершение убийств, ограблений и разбойных нападений, и тенденция их распространения среди молодежи и подростков. Несовпадение количества осужденных по ст. 182 УК с объемами изъятого органами милиции оружия свидетельствует о том, что подавляющая часть такового к боевому оружию не относилась. Также данный вывод подтверждает незначительный удельный вес преступлений, квалифицированных по ст. 182 УК.

Изучение состава преступных деяний дает возможность говорить о массовом применении преступниками ножей, зачастую самодельных, и различных бытовых предметов. Следовательно, боевое оружие,

каким-либо образом попавшее на территорию Среднего Поволжья из районов бывших боевых действий, нельзя относить к весомым детерминантам уголовной преступности послевоенного времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильев, А.М.* Охрана общественного порядка в СССР в послевоенный период (1945–1953 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. 34 с.
2. *Бурдс, Д.* Советская агентура: очерки истории СССР в послевоенные годы (1944–1948). М.; Нью-Йорк: Современная история, 2006. 296 с.
3. *Емелин, С.М.* Борьба с общеуголовной и экономической преступностью в СССР во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.: основные направления и правовые механизмы противодействия // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 11. С. 30–40.
4. *Попова, А.Д.* Фронт после Победы: причины роста преступности в СССР в послевоенные годы (1945–1950-е гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1 (85). С. 62–70.
5. *Хасянов, О.Р.* Повседневная жизнь советского крестьянства периода позднего сталинизма 1945–1953 гг.: на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 359 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9415 «Главное управление милиции Министерства внутренних дел СССР».
7. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГА-СПИ). Ф. 656 «Куйбышевский обком ВКП(б)».
8. Полиция и милиция Самарской губернии. Имена, события, факты. 1802–1967 гг. Самара: типография ГУВД по Самарской области, 2003. 151 с.
9. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИУО). Ф. 8 «Ульяновский областной комитет ВКП(б)».
10. *Толчинская, Т.И., Айбазова, Ф.У.* Исторический опыт деятельности полиции по противодействию незаконному обороту огнестрельного оружия в России после Великой Отечественной войны // Социально-политические науки. 2016. № 4. С. 89–93.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7523 «Верховный Совет СССР».
12. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-2972 «Прокуратура Куйбышевской области».
13. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-3027 «Управление министерства юстиции по Ульяновской области».
14. На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики, 1945–1960-е гг. / сост. Е.Ю. Зубкова, Т.Ю. Жукова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 816 с.
15. *Tham, H.* Crime in Scandinavia during World War II. Journal of Peace Research. 1990. No. 27 (4). P. 415–428.
16. *Barlow, D.E., Barlow, M.H.* Federal criminal justice legislation and the post-World War II social structure of accumulation in the United States. Crime Law Soc Change. 1994. No. 22. P. 239–267.

17. Cantor, D., Land, K.C. Unemployment and crime rates in the Post-World War II United States: A theoretical and empirical analysis. *American Sociological Review*. 1985. Vol. 50. No. 3. P. 317–332.

REFERENCES

1. Vasilev, A.M. *Ohrana obshhestvennogo porjadka v SSSR v poslevoennyj period (1945–1953 gg.)* [Protection of Public Order in the USSR in the Post-War Period (1945–1953)]: Extended Abstract of ScD Dissertation (History). Moscow, 2009, 34 p. (in Russ.)
2. Burds, D. *Sovetskaja agentura: ocherki istorii SSSR v poslevoennye gody (1944–1948)* [Soviet Agents: Essays on the History of the USSR in the Post-War Years (1944–1948)]. Moscow; New-York: Sovremennaja istorija, 2006, 296 p. (in Russ.)
3. Emelin, S.M. Borba s obshheugolovnoj i jekonomicheskoj prestupnostju v SSSR vo vtoroj polovine 1940-h – nachale 1950-h gg.: osnovnye napravlenija i pravovye mehanizmy protivodejstvija [The Fight Against Ordinary Criminal and Economic Crime in the USSR in the Second Half of the 1940s — early 1950s: The Main Directions and Legal Mechanisms of Counteraction], *Juridicheskaja nauka: istorija i sovremennost* = Juridical Science: History and Modernity, 2013, No. 11, pp. 30–40. (in Russ.)
4. Popova, A.D. Front posle Pobedy: prichiny rosta prestupnosti v SSSR v poslevoennye gody (1945–1950-e gg.) [Front after Victory: The Causes of Rising Crime in the Soviet Union after the War (1945–1950s)], *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Kemerovo State University, 2021, vol. 23, No. (85), pp. 62–70. (in Russ.)
5. Hasjanov, O.R. *Povsednevnaia zhizn sovetskogo krestjanstva perioda pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.: na materialah Kujbyshevskoj i Uljanovskoj oblastej* [Everyday Life of the Soviet Peasantry During the Late Stalinism Period 1945–1953: Based on the Materials of the Kuibyshev and Ulyanovsk Regions]. Moscow: Politicheskaja enciklopedija, 2018, 359 p. (in Russ.)
6. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation]. Fund, R-9415 “Glavnoe upravlenie milicii Ministerstva vnutrennih del SSSR”. (in Russ.)
7. *Samarskij oblastnoj gosudarstvennyj arhiv socialno-politicheskoj istorii (SOGASPI)* [Samara Regional State Archive of Socio-Political History]. Fund 656 “Kujbyshevskij obkom VKP(b)”. (in Russ.)
8. *Policija i milicija Samarskoj gubernii. Imena, sobytija, fakty. 1802–1967 gg.* [Police and Militia of the Samara Province. Names, Events, Facts. 1802–1967]. Samara: tipografija Glavnogo upravleniya vnutrennih del po Samarskoj oblasti, 2003, 151 p. (in Russ.)
9. *Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Uljanovskoj oblasti (GANIUO)* [State Archive of the Contemporary History of the Ulyanovsk Region]. Fund 8 “Uljanovskij oblastnoj komitet VKP(b)”. (in Russ.)
10. Tolchinskaja, T.I., Ajbazova, F.U. Istoricheskij opyt dejatelnosti policii po protivodejstvu nezakonnomu oborotu ognestrelnogo oruzhija v Rossii posle Velikoj Otechestvennoj vojny [Historical Experience of the Police Activity in Countering Illegal Trafficking of Firearms in Russia after the Great Patriotic War], *Socialno-politicheskie nauki* = Socio-Political Sciences, 2016, No. 4, pp. 89–93. (in Russ.)
11. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation]. Fund, R-7523 “Verhovnyj Sovet SSSR”. (in Russ.)
12. *Centralnyj gosudarstvennyj arhiv Samarskoj oblasti (CGASO)* [Central State Archive of the Samara Region]. Fund, R-2972 “Prokuratura Kujbyshevskoj oblasti”. (in Russ.)

13. *Gosudarstvennyj arhiv Uljanovskoj oblasti (GAUO)* [State Archive of the Ulyanovsk Region]. Fund, R-3027 “Upravlenie ministerstva justicii po Uljanovskoj oblasti”. (in Russ.)
14. *Na “kraju” sovetskogo obshhestva. Socialnye marginaly kak obekt gosudarstvennoj politiki, 1945–1960-e gg.* [On the “Edge” of Soviet Society. Social Marginals as an Object of State Policy, 1945–1960], comp. E.Y. Zubkova, T.Y. Zhukova. Moscow: Rossijskaja politicheskaja enciklopedija, 2010, 816 p. (in Russ.)
15. Tham, H. Crime in Scandinavia During World War II. *Journal of Peace Research*, 1990, No. 27 (4), pp. 415–428.
16. Barlow, D.E., Barlow, M.H. Federal Criminal Justice Legislation and the Post-World War II Social Structure of Accumulation in the United States. *Crime Law Soc Change*, 1994, No. 22, pp. 239–267.
17. Cantor, D., Land, K.C. Unemployment and Crime Rates in the Post-World War II United States: A Theoretical and Empirical Analysis. *American Sociological Review*, 1985, vol. 50, No. 3, pp. 317–332.

Пашкин Андрей Геннадьевич, кандидат исторических наук, директор, Государственный архив новейшей истории Ульяновской области, pashkin.ag@mail.ru

Andrey G. Pashkin, PhD in History, Director, State Archive of the Modern History of the Ulyanovsk Region, pashkin.ag@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.09.2021. Принята к публикации 14.11.2021

The paper was submitted 22.09.2021. Accepted for publication 14.11.2021